

Вооруженные силы СССР и поражение Франции в 1940 г.

А. В. Ревякин*

Поражение Франции в войне с Германией летом 1940 г. явилось одним из важных рубежей истории международных отношений середины столетия¹. Вскоре это событие оказалось в тени других, еще более важных перемен в жизни народов. Тем не менее, именно оно ознаменовало окончательное крушение того хрупкого, но реального баланса сил, который в 1930-е гг. сложился между франко-британской и германской группировками государств. Руководители агрессивных государств, не будучи уверены в своих силах, долгое время были вынуждены умерять аппетиты, лавировать, имитировать готовность к компромиссам. Лишь поражение Франции окончательно развязало им руки для расширения агрессии как в Европе, так и в других регионах мира.

Формально СССР оставался в стороне от войны, разразившейся в Западной Европе, однако итоги кампании 1940 г. самым непосредственным образом затрагивали его интересы. Дело в том, что определенное равновесие сил противостоящих друг другу в Европе «империалистических группировок» было выгодно Советскому Союзу. Их соперничество советское руководство рассматривало как важное условие внешней безопасности СССР. Более того, Советский Союз неоднократно пытался играть на их противоречиях. В условиях все более острого противоборства между ними в 1930-е гг. Советскому Союзу удалось существенно укрепить свое международное положение, вступив в Лигу Наций, заключив договоры о взаимопомощи с Францией и Чехословакией и т. д. Поражение Франции летом 1940 г. резко сужало возможности СССР проводить внешнюю политику традиционными методами.

Как советское руководство оценивало итоги военных действий в Западной Европе? Его официальная позиция, выраженная в публичных вы-

ступлениях высших руководителей, комментариях средств массовой информации не дает ясного ответа на этот вопрос². По существу, она сводилась к нескольким общим положениям: а) война, ведущаяся в Западной Европе, по своему характеру является империалистической, в возникновении которой виновата буржуазия всех стран, хотя ее «поджигателями» объявлялись Великобритания и Франция; б) Советский Союз, как социалистическое государство, совершенно к этой войне не причастен и не собирается в нее вмешиваться; в) СССР поддерживает нормальные дипломатические и торговые отношения со всеми воюющими сторонами; г) договор о ненападении, заключенный с Германией в 1939 г., предоставляет Советскому Союзу дополнительную гарантию безопасности.

По всей видимости, советское руководство воспринимало объявление Францией и Великобританией войны Германии в сентябре 1939 г. лишь как очередную виток обострения «межимпериалистических» противоречий, которыми не грех воспользоваться к выгоде СССР. В апреле 1940 г. Сталин, объясняя мотивы «зимней войны» с Финляндией, говорил: «Там, на западе, три самых больших державы вцепились друг другу в горло, когда же решать вопрос о Ленинграде³, если не в таких условиях, когда руки заняты и нам представляется благоприятная обстановка для того, чтобы их в этот момент ударить»⁴. Советский Союз вполне устроило бы, если бы война на Западе приняла затяжной характер. По мере истощения ресурсов и ослабления воюющих сторон относительно возросли бы его могущество и влияние на европейскую политику. Однако события развивались иначе. В мае 1940 г. Германия приступила к наступательным операциям на Западе, и через шесть недель Франция капитулировала, а Великобритания эвакуировала свои войска с континента и приготовилась к обороне.

* Александр Васильевич Ревякин — доктор исторических наук, профессор кафедры истории международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России.

Обстановка требовала от советского руководства серьезной корректировки своей внешнеполитической линии.

Но, на первый взгляд, неблагоприятный для Советского Союза исход военных действий на Западе не внес особых перемен в его внешнеполитический курс. Напрасно в критический для себя момент правительства Франции и Великобритании пытались склонить СССР на свою сторону, обращая его внимание на то, «насколько опасно с точки зрения европейского равновесия их нынешнее положение». 14 июня 1940 г. французскому послу Э. П. Лабонну народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов сказал: «...Позиция Советского Союза определяется договорами, заключенными им с другими странами, и политикой нейтралитета...»⁵. 1 июля 1940 г. Сталин в беседе с британским послом Р. С. Криппсом заявил: «...Еще преждевременно говорить о господстве Германии в Европе. Разбить Францию — это еще не значит господствовать в Европе»⁶.

Несмотря на ослабление своих международных позиций, «СССР, как и прежде, делал ставку на регулирование отношений с Германией путем переговоров», отмечается в новейшем отечественном труде по истории Второй мировой войны⁷. Целый ряд его действий на международной арене в это время легко истолковать как прямое свидетельство проведения им курса на сотрудничество с Германией. Советский Союз признал марионеточное правительство Виши, созданное коллаборационистами во Франции, и вплоть до начала Великой Отечественной войны поддерживал с ним дипломатические отношения⁸. При содействии Германии СССР добился от Румынии возвращения Бессарабии и передачи Северной Буковины. Латвия, Литва и Эстония были включены в состав СССР в качестве союзных республик. Наконец, по приглашению германской стороны нарком иностранных дел В. М. Молотов в ноябре 1940 г. обсуждал в Берлине возможности сотрудничества СССР с Германией, Италией и Японией, подписавшими в сентябре 1940 г. Тройственный пакт. Среди прочих поднимался вопрос и об его участии в новом разделе «сфер интересов».

Однако первое впечатление о позиции СССР довольно обманчиво. Демонстрируя свой нейтралитет и стремление добросовестно выполнять подписанные с Германией договоры, советское руководство на самом деле было глубоко обеспокоено обстановкой, сложившейся в Европе вследствие поражения Франции. Причем, одними из первых забили тревогу представители советских военных кругов, проявивших профессиональное чутье и немедленно отреагировавших на усиление военной угрозы.

Судя по известным документам, весьма вероятно, что даже инициатива окончательного включения прибалтийских государств в состав СССР исходила именно от них. Когда Франция еще только обратилась к Германии с просьбой о перемирии, 17 июня

1940 г. нарком обороны маршал С. К. Тимошенко направил в Политбюро ЦК ВКП(б) свои предложения о мерах, которые необходимо принять «в целях обеспечения скорейшей подготовки Прибалтийского ТВД». В частности, он предлагал «немедленно занять нашими погранвойсками для предотвращения шпионской и диверсионной деятельности со стороны западного соседа» границу с Восточной Пруссией и побережье Балтийского моря, «возможно скорее решить вопрос с „правительством“ прибалтийских государств, приступить к разоружению и расформированию их армий, населения и полиции, наконец, «решительно приступить» к их «советизации». На территории нового военного округа, который предполагалось создать в Прибалтике, нарком рекомендовал «приступить к работам по подготовке ее как театра военных действий (строительство укреплений, подшивка железных дорог, дорожное и автодорожное строительство, склады, создание запасов и пр.)»⁹.

Тревога военного командования самым недвусмысленным образом была выражена в докладе, направленном 18 сентября 1940 г. политическому руководству наркомом обороны Тимошенко и начальником генерального штаба Красной Армии генералом армии К. А. Мерецковым. «Сложившаяся политическая обстановка в Европе, — говорилось в докладе, — создает вероятность вооруженного столкновения на наших западных границах. Это вооруженное столкновение может ограничиться только нашими западными границами, но не исключена вероятность и атаки со стороны Японии наших дальневосточных границ. На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия, что же касается Италии, то возможно ее участие в войне, а вернее, ее выступление на Балканах, создавая нам косвенную угрозу. Вооруженное столкновение СССР с Германией может вовлечь в военный конфликт с нами Венгрию, а также с целью реванша — Финляндию и Румынию... Главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска, с тем чтобы мощным ударом в направлениях Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней»¹⁰.

Если, несмотря на предостережения военных, курс СССР на сотрудничество с Германией во второй половине 1940 г. оставался неизменным, то для этого, очевидно, имелись веские основания, рассмотрение которых, однако, не входит в задачи настоящей статьи¹¹. Во всяком случае, роль, которую военное командование играло в выработке курса

внешней политики, заслуживает самого пристального внимания исследователей. В этой связи большой интерес, по нашему мнению, представляет вопрос о том, как в советских военных кругах оценивали значение поражения Франции в кампании 1940 г., а также какие выводы и уроки они намеревались извлечь из ее опыта. Попытка ответить на эти вопросы и предпринимается в настоящей статье. Она основана на документах, с которыми автор имел возможность ознакомиться в Российском государственном военном архиве (РГВА). Их можно подразделить на три группы:

1. Отчеты о политико-моральном состоянии войск, подготовленные Особыми отделами Главного управления Государственной безопасности НКВД СССР;
2. Сообщения офицеров Разведывательного управления Генерального штаба КА НКО СССР о деятельности иностранных военных атташе в СССР;
3. Стенографические отчеты Военного совещания высшего руководящего состава Красной Армии 23–31 декабря 1940 г.¹². В совокупности эти материалы, по нашему мнению, дают представление о восприятии советскими военными кругами событий войны на Западе.

Отчеты о политико-моральном состоянии войск свидетельствуют, что под впечатлением от поражения Франции летом 1940 г. не только усилились тревожные ожидания советских военнослужащих, но и существенно изменилось их представление о месте СССР в расстановке сил на международной арене. Это особенно бросается в глаза, если сравнить высказывания военнослужащих, датированные началом и концом 1940 г.

31 января того же года командующий войсками Сибирского военного округа генерал-лейтенант С. А. Калинин выступил в окружном доме Красной Армии перед командно-начальствующим составом штаба округа с докладом о международном положении. Значительная его часть была посвящена конфликту СССР с Финляндией. Затронув вопрос об отношении зарубежных государств к этому конфликту, генерал высказал предположение «о неизбежности большой войны весной 1940 г., в которой, с одной стороны, будет стоять СССР в союзе с Германией, Японией и Италией против англо-французского блока, т.е. Англии, Турции, Китая, Румынии, Ирана, Афганистана и др.». Застрельщиком этой войны, как заявил Калинин, будет Румыния, которая уже сейчас отмобилизовала 20 возрастов и сосредоточила на границе с СССР 24 дивизии, «но Румыния в самом начале получит удар с трех направлений, т.е. со стороны СССР, Германии и Болгарии, после чего в войну вступят Турция, Иран, Индия, Англия, Франция, Китай, возможно, и Америка». По словам Калинина, «если война с Румынией закончится очень быстро, то военные действия с Англией, Францией и ее союзниками будут носить затяжной

характер и ее продолжительность будет значительно больше, чем первая империалистическая война».

Эти высказывания цитировались в сообщении, направленном Особым отделом наркомату обороны. Причем автор записки, старший офицер госбезопасности, ссылаясь на мнение «многих командиров, присутствовавших на докладе», нашел высказывания генерала «путаными» и «политически вредными». Как свидетельствует карандашная надпись на документе, нарком затребовал полную стенограмму выступления Калинина¹³. Однако ничего порочащего в высказываниях командарма высшее военное руководство, по всей видимости, не нашло, поскольку в декабре 1940 г. он участвовал в вышеупомянутом Военном совещании в качестве командующего тем же военным округом.

Победы немцев в весенне-летней кампании 1940 г. произвели на советских военнослужащих не только глубокое, но и крайне противоречивое впечатление. С одной стороны, как рядовые, так и офицеры не могли скрыть невольного восхищения могуществом и эффективностью немецкой военной машины. В сообщении на имя заместителя наркомата обороны, датированном 22 июля, приводятся следующие высказывания офицеров одной из авиационных частей¹⁴: «Да, Гитлер имеет в настоящее время самую сильную армию в мире. Это новый Наполеон. — Да, это великий человек. И армия, и он войдут в историю больше фигуры Наполеона»¹⁵. Автор сообщения охарактеризовал эти высказывания как проявление «отрицательных настроений»¹⁶. Некоторые высказывания, взятые на заметку службой безопасности и доведенные Особым отделом до сведения начальника Политуправления Красной Армии, свидетельствуют о том, что военнослужащие ревниво восприняли известия о немецких победах. Один из курсантов Краснодарского военно-авиационного училища жаловался своему товарищу: «Советский Союз только топчется на одном месте, а Германия без всякого топтания захватывает территорию. СССР Финляндию и то кое-как с горем пополам захватил...» Эти слова начальник Особого отдела расценил как «прямые антисоветские высказывания»¹⁷.

С другой стороны, к этим чувствам примешивался страх перед могуществом Германии. В спецсообщении Особого отдела, датированном 23 июля, приводится длинный перечень «нездоровых высказываний о „мощи“ германской армии» военнослужащих частей Киевского особого военного округа¹⁸. Курсант Киевского танкотехнического училища поделился со своими товарищами таким соображением: «Германская армия сильна, у нее техника самая лучшая, куда нам до нее, и если она на нас пойдет, крепко помнет нам бока». Аналогичное мнение выражал красноармеец-артиллерист: «Немцы захватили Париж, у них дело обстоит лучше. Говорят, что у них армия сильная, хорошая и одетая, вот они и воюют

крепко, а наша Красная Армия с Румынией не справится, и нам могут набить». В сущности, ту же мысль, только более профессионально, выразил начальник штаба кавалерийского полка: «Германская техника надежна, и сочетание родов войск германским командованием учитывается лучше, чем... нами в период боев с белофиннами...».

Некоторые из военнослужащих, чьи высказывания приводятся в указанном спецсообщении, откровенно выражали мнение, что немецкая армия обладает не только техническим, но и морально-политическим превосходством. Красноармеец-связист утверждал: «В германской армии [солдаты себя чувствуют] лучше, чем у нас, офицеры германской армии фотографируются вместе с солдатами, у них телесные наказания не применяются». Курсант танкотехнического училища обращал внимание на другую сторону этой проблемы. «Посмотрите, — говорил он, — как воюет Германия, у нее техника получше нашей и драться с ней пришлось бы с большим трудом. У германской армии кроме этого имеется еще одно качество — патриотизм солдат, что видно из ее побед».

С точки зрения задач нашего исследования интересно то, что уже в то время ряд военнослужащих выражали уверенность в неизбежности скорой войны с Германией. Согласно упомянутому спецсообщению, старший офицер, возможно, преподаватель Киевского танкотехнического училища, заявлял: «Германия сейчас настолько сильна, что Советскому Союзу придется туго с ней бороться, она умна. Года через два она укрепитя, и тогда пойдет борьба между Советским Союзом и Германией». Не строил иллюзий, хотя и не терял оптимизма, штабной офицер стрелкового корпуса: «Нам со временем тяжело придется, когда мы столкнемся с Германией. Обстановка сейчас такова, что Европа будет разделена между СССР и Германией». Панические нотки проскальзывают в словах красноармейца-артиллериста: «Вот немцы разделяются с англичанами и французами, потом повернут на нас и тоже успешно закончат операции».

Распространение тревожных слухов и панических настроений летом 1940 г. на волне известий о победах германской армии, по всей видимости, было неожиданностью для советского военного командования. Лишь спустя некоторое время этому явлению был поставлен характерный диагноз: «пораженческие настроения». Насколько нам известно, впервые это определение упоминается в сообщении Особого отдела в политуправление Красной Армии, датированном 2 августа. Поводом послужило высказывание некоего красноармейца, утверждавшего: «Германия под руководством Гитлера сильнее СССР, и если Гитлер пойдет войной на СССР, то нам придется плохо»¹⁹.

К осени 1940 г. тональность высказываний военнослужащих, на которых останавливает свое внимание армейская служба госбезопасности, заметно

меняется. Прошло потрясение от громких побед немецкой армии на Западе. Они уже не служат поводом для эмоциональных оценок. На Германию и немецкую армию стараются смотреть непредвзято как на вероятного противника, столкновения с которым избежать нельзя. Германия уже не внушает страха. Напротив, зарождается надежда, что предстоящая война обеспечит Советскому Союзу ощутимые преимущества.

20 августа начальник Дома Красной Армии в звании старшего политрука, выступая на собрании партийного актива одного из промышленных предприятий Брянска с лекцией о международном положении, высказал ряд идей, которые показались бы невозможными еще полгода тому назад. Он утверждал: «Наши дружеские отношения с Германией носят, безусловно, временный характер... Мы примем все меры к тому, чтобы Англия и Германия обязательно дрались... Пусть постреляют, а потом мы посмотрим — как обстановка сложится, откуда начать. Своих интересов мы не упустим. О Дарданеллах и Босфоре вопрос решится в ближайшие дни. Все наши счета мы предъявим. О Дарданеллах и Босфоре говорить народу надо уже сейчас. Надо готовить общественное мнение... К нашим сообщениям в газетах надо относиться критически, потому что на страницах своей печати мы не можем все писать. Когда мы пишем о силе Германии — это неправда». Офицер госбезопасности, который доложил «наверх» об этих высказываниях лишь в ноябре, откомментировал их жестко, но все же не прибегая к резким политическим обвинениям: лекция построена «на основе выдуманных им самим (лектором. — А. Р.) предположений, а отдельные формулировки носят неправильный и провокационный характер»²⁰.

Тогда же, в ноябре, Особый отдел ГУГБ НКВД поставил в известность Главное управление политической пропаганды Красной Армии об аналогичном происшествии. Слушатель Военной академии им. Фрунзе Герой Советского Союза полковник П. М. Арман²¹, выступая с докладом о «советском героизме и патриотизме» в библиографическом секторе одной из ведомственных научных библиотек, допустил, как говорилось в сообщении Особого отдела, «ряд невыдержанных толкований, которые вызвали в аудитории удивление». Полковник Арман, в частности, утверждал: «Германия проигрывает войну. Гамбург и Ганновер разрушены... Мы не всегда будем поставлять необходимые товары... Гитлер как был мерзавцем, таким и остался...». Не менее ярко высказался он и о целях внешней политики СССР. «Финляндия, — заявил он, — будет советской... Границы Советского Союза могут быть на берегу Адриатического моря... Если индусы скажут, что они братья славян и хотят жить вместе, то мы возражать не будем»²².

В изученных нами документах отсутствуют сведения о том, что фигуранты двух вышеупомянутых сообщений подверглись каким-либо преследованиям

за свои высказывания. Гораздо меньше повезло красноармейцу стрелкового полка, дислоцированного в Прибалтике, который в беседе со своими сослуживцами заявил: «Наше правительство сделало неправильно, идя на сближение с Германией. Литвинов был самый лучший дипломат, и потому что он хотел наладить дипломатические отношения с Англией и Францией, за это его и отстранили». Этот красноармеец был арестован по обвинению в том, что «среди красноармейцев проводит антисоветскую агитацию и клеветает на руководителей партии и правительства»²³.

На основании приведенных выше данных, мы вправе заключить, что поражение Франции косвенным образом повлияло на возникновение в СССР не только новой общественно-психологической, но в известной мере (с учетом особенностей советской государственной системы) и политической обстановки. Идею партнерства и сотрудничества с Германией в сознании широких слоев военнослужащих (от рядовых красноармейцев до командного состава) потеснило представление о неизбежности в скором будущем вооруженного с ней столкновения. Эта перемена тем более важна и примечательна, что она произошла вопреки официальной политике и пропаганде, имевших в СССР принудительный характер.

Как мы показали выше, во второй половине 1940 г. военное командование старалось привлечь внимание политического руководства страны к усилению военной угрозы со стороны Германии. На то у него имелись веские основания: разными путями, в том числе и по линии военной разведслужбы, командование получало предупреждения о подготовке Германии к агрессивной войне против СССР²⁴.

Одна из разведывательных операций с целью сбора информации военно-политического характера была осуществлена в конце 1940 г. на территории самого СССР. Ее объектом были военные атташе ряда иностранных государств, средства использовались вполне легальные. По просьбе самих иностранных военных атташе, желавших получить наглядное представление о военном потенциале СССР, был разработан план посещения ими различных воинских частей и учреждений, включая танковую, авиационную и стрелковую дивизии, учебные заведения и даже Дом Красной Армии. Не исключено, что поводом к тому послужила просьба, с которой к В. М. Молотову еще 25 мая 1940 г. обратился немецкий посол Ф. Шуленбург. «Германские военные атташе, — сказал он, — жалуются, что им почти ничего или мало что показывают в СССР». На что Молотов пообещал, что «просьба Шуленбурга будет учтена»²⁵. Каждая из воинских частей, в которых должны были побывать военные атташе, предварительно была переименована. Иностранных военных дипломатов сопровождали офицеры советской разведки. Они не только давали

необходимые пояснения, но и сами активно задавали сопровождаемым лицам вопросы военного, политического и дипломатического характера. Завершал программу посещения товарищеский обед. За столом, уставленным яствами и напитками, беседа нередко приобретала не только менее официальный, но и более содержательный характер.

Воинские части и учреждения посетили военные атташе 9 стран — Германии, Великобритании, США, Италии, Югославии, Болгарии, Венгрии, Турции, Китая и Японии²⁶. Судя по перечню стран, организаторы этого мероприятия старались не оказывать явного предпочтения ни одной из двух воюющих группировок — ни Германии, ни Великобритании с их друзьями и союзниками. Впрочем, в полной мере соблюсти между ними баланс так и не удалось. Военный атташе Германии и его подчиненные в общей сложности участвовали в 4 посещениях, тогда как британский военный атташе только в одном. Это и неудивительно, учитывая весьма напряженные отношения между СССР и Великобританией. Но именно британский военный атташе привлек к себе самое пристальное внимание хозяев.

Франция в лице представителей Вишистского правительства отсутствовала в списке приглашенных. Тем не менее, о ней часто вспоминали. Советских офицеров интересовало мнение иностранных коллег о причинах неудач, постигших французскую армию, традиционно считавшуюся одной из самых сильных. Об этом они, в первую очередь, расспрашивали немецких военных.

11 октября Люберецкую авиадивизию под видом авиабригады показали немецкому военно-воздушному атташе полковнику Генриху Ашенбреннеру (Aschenbrenner). На советских офицеров гость произвел самое благоприятное впечатление. Как впоследствии писал в своем отчете начальник Разведывательного управления генерал-лейтенант Голиков²⁷, «Ашенбреннер показал себя опытным офицером и разведчиком, быстро схватывал и замечал каждую мелочь. По отношению к командному составу держал себя вежливо, вопросы задавал умеренно, не желая, видимо, создавать о себе с самого первого же посещения невыгодное впечатление». В отчете особо упоминалось, что Ашенбреннер с удовольствием «вспоминал свою учебу в Липецкой школе, которую он называл „колыбелью германской военной авиации“»²⁸. Сопровождавшим его советским офицерам бросилась в глаза, например, такая деталь: «Мы проезжаем (довольно быстро) на автомашине мимо надписи из шести слов — Ашенбреннер совершенно правильно произносит вслух написанное... Проходим мимо вывешенного в витрине вчерашнего номера газеты „Правда“ — Ашенбреннер сожалеет, что номер не сегодняшней, так как в „сегодняшнем номере напечатана очень интересная статья о Бисмарке“». По этому поводу советские офицеры не смогли удержаться от нравоучительных размышле-

ний: «Следует поучиться у Ашенбреннера, как нужно смотреть и замечать буквально каждую мелочь». Особое уважение у них вызвал послужной список военного дипломата и его репутация обстрелянного в боях воина: «Ашенбреннер, кроме железного креста, полученного за войну с Польшей, имеет железный крест за прошлую мировую войну и 3 ордена за оккупацию Австрии, Судетской области и Чехословакии. Кроме того, он носит значок летного состава высшего класса и значок за большой боевой налет в качестве штурмана в прошлую войну»²⁹.

Вопросы, которые задавали Ашенбреннеру советские офицеры, большей частью касались последней военной кампании в Западной Европе: «Какая из армий, встречавшихся с германской армией, наиболее стойкая и подготовленная?» — Ашенбреннер со смехом отвечал: «Таких армий не встречал. Все плохие и слабы настолько, что за армии [их] можно не считать». «Как вы относитесь к сообщениям Англии о ваших потерях?» — «Пренебрежительно»³⁰. Впрочем, приняв серьезный тон, он на вопрос о том, «как поживают летчики, перегонявшие нам немецкие самолеты в начале мая этого года», отвечал, что «часть из них уже погибла». Со слов своего брата, командира бомбардировочной группы, с которым виделся «на этих днях, во время поездки в Германию», Ашенбреннер рассказал, что «английские истребители дерутся очень смело», а «английские бомбардировщики бомбят плохо, но умеют летать в облаках и ночью».

В ходе беседы удалось выяснить, что Ашенбреннер невысокого мнения о таких друзьях Германии, как Испания и Италия. На вопрос, пропустит ли Испания германские войска к Гибралтару, Ашенбреннер ответил, что на это рассчитывать трудно. Диктатор Франко, по его словам, «оказался не таким героем, каким мы его считали». Что касается Италии, то она не только не оказывает Германии реальной помощи в войне против Великобритании, но еще «ей самой приходится помогать, а в скором времени придется помогать гораздо серьезнее». Когда же советские офицеры задали Ашенбреннеру лукавый вопрос, «в чем причина задержки германского наступления на Англию», он ограничился туманными рассуждениями о том, что «нужно как следует готовить это наступление, чтобы не нести излишних потерь», и что вообще «торопиться нам особенно некуда — американская помощь [Великобритании] на ближайший период не может достичь тех размеров, о которых говорят»³¹.

26 октября полковника Ашенбреннера и его помощника старшего штаб-инженера Вундерлиха пригласили посетить Военно-воздушную академию им. Жуковского. Однако на этот раз он не оправдал надежд хозяев, пытавшихся вызвать его на откровенность. «Полковник Ашенбреннер и его помощник, — говорится в отчете об этом визите, — совершенно не были предрасположены говорить что-либо о войне. Всякий разговор о ней очень быстро сводился к вы-

сказыванию сожаления самого Ашенбреннера, что он сейчас „не летает там и не стреляет во врага“, как это делают „сию минуту“ его товарищи»³².

28–30 октября состоялись визиты во 2-е Ленинградское артиллерийское училище, Ленинградское военно-инженерное училище и стрелковый полк военного атташе Германии генерала Э. Кёстринга (Ernst August Köstring), считавшегося ключевой фигурой среди германских дипломатов, занимавшихся разведывательной деятельностью против СССР³³. Принимавшие его советские офицеры отмечали, что «немцы»³⁴ придавали большое значение техническим средствам, которыми оснащены наши инженерные войска, говоря, что с такими средствами саперные части займут в боевой обстановке видное место, и тут же сказали, что большую помощь их саперы оказали войскам при наступлении на Западном фронте (Голландия, Бельгия, Франция)»³⁵. В связи с этим замечанием советские офицеры задали немецким военным ряд сугубо профессиональных вопросов. В частности, они поинтересовались, поспевала ли немецкая артиллерия за быстрым продвижением войск во время наступления на Западе. Ответ немецкого военного атташе мог вызвать зависть его собеседников: «Она у нас в большинстве механизированная». На вопрос о том, как в наступающих частях обстояло дело с тылами, особенно с горючим, генерал Кестринг ответил: «С горючим было тяжело, но французы и бельгийцы бросили очень много складов с горючим». Вместе с тем ему задавали и вопросы общего характера: «Как вы могли так быстро продвигаться, неужели французы не сопротивлялись?». На что генерал отвечал: «Да, французы очень слабо сопротивлялись, хотя в некоторых местах они оказывали сильное сопротивление. Они имели танков больше, чем немцы, но эти танки были разбросаны по всем дивизиям и очень тихоходные, и поэтому они не могли выполнить задачу стратегического резерва. Мы, немцы, сами не ожидали такого быстрого продвижения. Если бы какой-нибудь генерал до войны предложил бы такую операцию, то ему, как неграмотному, дали бы отставку»³⁶.

Спустя месяц, 29 ноября, генерал Кёстринг и его помощник майор Реттгер посетили танковую дивизию (под видом танковой бригады). Беседуя с советскими офицерами о причинах победы над Францией, он, по существу, не добавил ничего нового к тому, что рассказал ранее. Так, он опять с похвалой отозвался о работе тыловых служб немецкой армии: «Наши тылы во Франции проделали огромную работу. При действиях танковых армий тылы решают [все]». Повторил он и прежнюю оценку побежденного противника: «Мы во Франции сами не ждали такого быстрого успеха, это было потому, что Франция мелочная. Она сидела на деньгах и не имела ни танков хороших, ни достаточных укреплений». Новым было то, что генерал Кёстринг затронул тему «советско-германской дружбы», как она была

обозначена в соответствующем отчете. Начал он с обличения коварства британцев, которые, по его словам, «нас хотят стукнуть лбами, а потом чужими руками жар загребать». Затем напомнил своим собеседникам о Бисмарке, «этом великом человеке», который «говорил, что, сохраняя хорошие отношения с Россией, германский народ будет счастлив». После чего он признался в искренней и глубокой симпатии к России. «Я в России родился, — с пафосом сказал он, — я за Россию и за то, чтобы с Россией жить лучше и торговать с ней и давать товары лучшие. Меня в Германии зовут большевиком, в России германским офицером, а [на самом деле] я — русский буржуй!». Не удержался он и от того, чтобы прихвастнуть своими заслугами и связями: «Когда я доложил о своей работе в России — Гитлер сразу приказал сделать меня полным генералом»³⁷.

Вопрос о причинах поражения Франции и уроках военной кампании на Западе затрагивался и в беседах с военным атташе США майором Йитоном (Ivan D. Yeaton) и его помощником капитаном Дж. Мичелой (Joseph Michela), посетившими 22 октября авиаполк в Серпухове³⁸. Оба они, представившиеся как «первые сотрудники русского отдела» американского генштаба³⁹, охотно беседовали с советскими офицерами, особенно Мичела, о котором стало известно, что, помимо военной академии, он еще учился на факультете восточноевропейских стран Колумбийского университета, где изучал русский язык. Во время поездки из Москвы в Серпухов он буквально обрушил на своего собеседника поток информации, преимущественно политической и дипломатической.

На вопрос: «Чем вы объясняете поражение Франции?» — Мичела прочитал целую лекцию. «Есть целый ряд причин, — начал он, — основными из которых являются следующие: население Франции не имело общего желания иметь существовавшее в то время правительство. Одни хотели одно правительство, а другие — другое. Далее, французская армия была тренирована на ведение оборонительной войны и была совершенно не приспособлена к наступательным действиям. Противоречия, имевшие место между английским и французским правительствами, помешали Англии оказать реальную помощь Франции, в частности, своим флотом. Сейчас это противоречие настолько обострилось, что возможно выступление Франции на стороне Германии и Италии. Третья причина заключалась в том, что «линия Мажино» оказалась недостаточно сильной, и в связи с этим возможен был прорыв этой линии в отдельных местах. Германская армия была все время тренирована для наступательной войны. Ее тактика — авиацией и мотомеханизированными частями расчистить путь для пехоты и далее использовать все остальные рода войск. Точность расчетов и хорошая работа десантов способствовали победоносному продвижению германских войск»⁴⁰.

На словоохотливого американца посыпались новые вопросы, явно вызывающие его на откровенность: «Как вы рассматриваете заключение союза между Германией, Италией и Японией?» — «Отрицательно. С моей точки зрения и с точки зрения американского государства этот союз направлен не только против Англии и Америки, но и против СССР. Было бы совершенно правильно и своевременно заключение союза: Америка — СССР — Англия для совместной борьбы с агрессором». Новый вопрос: «На основании каких данных вы считаете, что союз Германии, Италии и Японии затрагивает интересы СССР? Ведь точка зрения нашего Советского правительства по этому вопросу вам известна». — «Гитлер неоднократно обманывал мировую общественность. Вспомните его заявление относительно Чехословакии и других стран. То он заявляет, что не имеет никаких территориальных притязаний к той или иной стране, а на самом деле захватывает одну территорию за другой. По отношению к СССР Гитлер долгое время был открыто озлоблен. Вам известно его высказывание в книге „Моя борьба“. Там он совершенно отчетливо говорит о необходимости устремиться на Восток. Основные трудности, которые переживает Германия, — это трудности продовольственные. Ясно, что Гитлер не отказывается от мысли захвата Украины, и при первом удобном случае между Германией и СССР возможно столкновение».

В заключение беседы был затронут, может быть, самый деликатный вопрос советской внешней политики того времени — о пакте Молотова–Риббентропа. «Как американская общественность встретила договор между СССР и Германией?» — «С большим удивлением. Ведь Гитлер все время был враждебно настроен против Советского Союза. Он открыто заявлял, что имеет территориальные притязания, имея в виду, в частности, Украину. Ваш Сталин никогда этого не говорил. Было удивительно, что правительство Советского Союза поверило Гитлеру после того, как он неоднократно обманывал мировую общественность». Не возражая прямо капитану Мичеле, его собеседник попытался оправдать советскую внешнюю политику: «Не считаете ли вы, что договор между СССР и Германией уже дал для СССР целый ряд положительных результатов?» Американца, вероятно, несколько покорила такая постановка вопроса. Он с явной иронией воскликнул: «О, да! Конечно, Советскому Союзу для себя это выгодно». И на этом разговор закончился⁴¹.

Майор Йитон не был столь же эмоционален и многословен, как его помощник, но его высказывания также заинтересовали советскую разведку. Говоря об уроках кампании в Западной Европе, он твердо выражал уверенность в том, что «Германия проиграла войну». Основанием для такого вывода служило то, что, по его мнению, «Англии удалось превратить войну в затяжную». Для самой Великобритании в этом

заключалось спасение: «Высадка немцев в Англии стала маловероятной». Но для Советского Союза, как он ясно дал понять, из этого вытекали серьезные неприятности: «... Следует ожидать развития военных действий германской армии на востоке»⁴². Но больше всего советских офицеров заинтересовало предложение о сотрудничестве. Как извещал о том наркома обороны начальник Разведывательного управления генерал-лейтенант Голиков, майор Йитон предложил «информировать нас о всех мероприятиях немцев, в частности, в Румынии»⁴³.

Вопрос о причинах поражения Франции советские офицеры поднимали в беседах с военным атташе Югославии полковником Поповичем. Посещая 21 ноября артиллерийский полк, он сказал, что «Франция потерпела поражение случайно. Французская армия была не хуже обучена и вооружена». У собеседников слова Поповича вызвали недоумение: «Да ведь Германия разгромила не только Францию, но и сухопутные войска Англии, которые помогли Франции. Разве это тоже случайность?». Но, как свидетельствуют документы, «от прямого ответа на этот вопрос г-н Попович уклонился»⁴⁴.

Если его высказывания привлекли внимание советской военной разведки, то по другим причинам. Своему собеседнику он признался: «... Я с 1932 г. работаю на вас, с кем, фамилии не хочу здесь называть, но делаю все, чем могу быть полезным для СССР»⁴⁵. Кроме того, югославский военный атташе «в беседе за завтраком много говорил о сербском народе, как о воинственном и близком русским, ориентирующемся только на Восток». В частности, он заявил: «Я знаю, что наш народ не пойдет по пути Венгрии в союз „Оси“, и настанет время, когда он присоединится к СССР». Между прочим, об этом генерал-лейтенант Голиков счел своим долгом лично проинформировать руководство⁴⁶. По-видимому, в развитие мысли о необходимости союза с СССР для успеха борьбы с немецкой агрессией 9 декабря во время посещения Центрального Дома Красной Армии полковник Попович сказал: «Франция потерпела поражение потому, что глупо отказалась от сотрудничества с СССР»⁴⁷.

В беседах с военными атташе других Балканских государств вопрос о причинах поражения Франции либо не затрагивался вовсе, либо их сообщения не представляли интереса для советской разведки и поэтому не были отражены в отчетах. Однако активно обсуждались те перемены в положении на Балканах, которые уже произошли или еще только ожидалось вследствие победы Германии в войне на Западе. Военный атташе Турции подполковник Тюркмен, посетивший 2-е Ленинградское артиллерийское училище (2 ноября) и Центральный Дом Красной Армии (10 ноября), даже прилагал определенные усилия, чтобы довести свою точку зрения по этому вопросу до возможно более широкого круга своих собеседников: его высказывания

цитируются в трех различных отчетах, подписанных разными лицами.

Судя по этим документам, Тюркмен преследовал две цели: привлечь внимание советских военных к угрозе агрессии со стороны Германии, а также показать, что интересы Турции и СССР перед лицом агрессивной Германии совпадают. В Ленинграде с ним беседовал заместитель начальника Отдела внешних сношений ГШ полковник Драгун (что свидетельствует о внимании к турецкому военному атташе). По дороге в гостиницу Тюркмен старался убедить собеседника в том, что «немцы подбираются к Дарданеллам и Босфору». На просьбу уточнить свою мысль он туманно ответил: «Это — для вас». «... Немцы имеют союз с финнами, — продолжал он. — В бывшей Польше они сконцентрировали 100-тысячную армию, проникают на Балканы, в Болгарии много немецких офицеров и вообще военных в гражданском платье. Все это направлено ни к чему иному, как к окружению». Полковник Драгун спросил: «К окружению кого?» — «Я думаю, что вы меня поняли», — отвечал Тюркмен⁴⁸.

Во время посещения Центрального Дома Красной Армии турецкий военный атташе, с одной стороны, «неоднократно указывал на заинтересованность СССР в Дарданеллах, намекая на то, что нынешние взаимоотношения СССР с Германией дают возможность последней усиливать свои позиции на Балканах, а это может привести ее и к Босфору, а может быть, и к столкновению с интересами СССР». С другой стороны, он выражал крайнее недовольство агрессивными действиями на Балканах Германии и Италии, а также союзных им государств, не исключая возможности войны Турции в защиту своих интересов. «В случае, — говорил он, — если Болгария попытается претендовать на выход к Эгейскому морю, Турция будет воевать». Тюркмен старался убедить своих собеседников, что «Румыния и Болгария уже не существуют как самостоятельные страны, и что это немецкие государства; Югославия же колеблется все время то в одну, то в другую сторону». В особенности Тюркмен опасался прямой агрессии Германии на Балканах. «Если, — говорил он, — Германия придет с военной помощью Италии на Балканах, Турция будет воевать». Его собеседники обратили внимание также на то, что турецкий военный атташе выражал «удовольствие успехами греков в Албании» и надежду на то, что «скоро итальянцев сбросят в Адриатическое море». Что касается войны в Западной Европе, то он демонстрировал «свою уверенность в неизбежной победе Англии»⁴⁹.

Дружелюбный прием настолько расположил турецкого военного атташе к советским офицерам⁵⁰, что он прямо заявил им: «Мы очень спокойны и рады такому соседу, как СССР... Наша армия готова защищать себя. Но должен сказать, что распространение господства Германии до проливов, очевидно,

заставит воевать СССР с Германией». Чтобы подчеркнуть значение своих слов, он повторил: «Я уверен, что через год–два вы повоюете с Германией, так как вы, а также и мы не хотим этого соседства»⁵¹.

Весьма откровенно, но преследуя совершенно другие цели, разговаривал с советскими офицерами военный атташе Болгарии майор Кубадинов, посетивший 22 ноября танковую дивизию. Во всяком случае, он не делал тайны из того, что Болгария не только не ищет защиты от иностранной агрессии, но сама встала на путь территориальных захватов на Балканах. При этом он тоже обращал внимание на известную общность интересов Болгарии и СССР. «Нам нужны Фракия и выход к Эгейскому морю, — говорил он своим собеседникам, — а вам нужны проливы. Мы надеемся, что СССР нам в этом поможет. Я уверен, что Болгария будет у Эгейского моря, а СССР на Босфоре». Главное препятствие осуществлению этого плана Кубадинов усматривал в политике Великобритании. «Это англичане, — утверждал он, — не хотели, чтобы славяне были на Эгейском море и у проливов». Эту мысль он повторил во время беседы несколько раз. Парадоксальным образом военный атташе Болгарии с уважением отзывался о сопротивлении Греции итальянской агрессии: «Народы Балканского полуострова храбрые, греки дерутся хорошо». При этом он замечал: «Мы бы дрались за свои интересы не так, как итальянцы, и легко бы взяли Фракию». Впрочем, Кубадинов предпочитал «решить этот вопрос мирным путем, как решали вопрос о Добрудже»⁵². Аналогичным образом он предполагал удовлетворить и притязания Болгарии на Македонию. Что давало ему основание для таких надежд? Прямо он об этом не говорил, но достаточно прозрачно намекал на поддержку Германии: «Болгария — малая страна и вынуждена, как все малые страны, в своей политике оглядываться на большие страны»⁵³.

Любопытно, что даже военный атташе государства, не имевшего выхода к Черному морю, а именно Венгрии, в своих беседах с советскими офицерами «неоднократно намекал на заинтересованность СССР в Дарданеллах, говорил, что Черное море без Дарданелл — это большое озеро». Г. Фараго, посетивший 11 декабря Центральный Дом Красной Армии, не особенно выбирал выражения, высказываясь на эту тему: «Вам нужно море — оно ваше». В столь же непринужденной манере он обсуждал выгоды, которые СССР сумел получить благодаря переменам в Европе. «Советскому Союзу, — говорил он, — везет... [потому] что СССР умеет балансировать. Страна ваша велика, и в ней много всего. Вы сидите и ничего не делаете, и вдруг у вас появляются Северная Буковина, Польша и т.д.». Еще более четко, чем болгарский военный дипломат, он дал понять, на кого в текущей войне Венгрия делает ставку. В сообщении о беседе с ним отмечается: «Выразил уверенность в победе Германии»⁵⁴.

Особенно продолжительный и заинтересованный разговор состоялся с британским военным атташе полковником Гриром (Eric Roberts Greer), посетившим 19 декабря танковую дивизию (по этому случаю переименованную в легкотанковую бригаду). В беседе с ним участвовали командир дивизии генерал-майор танковых войск А. Д. Штевнев⁵⁵ и уже известный нам полковник Драгун. Запись беседы с ним⁵⁶, заверенная Штевневым, заняла 10 машинописных страниц, что в среднем значительно превышает объем документов такого рода, имевшихся в нашем распоряжении.

В начале беседы полковник Грир держался настороженно, не высказывал свои мысли прямо, видимо, чтобы не дать повода для дипломатического скандала, изъяснялся преимущественно намеками. Советские офицеры начали разговор с обсуждения профессиональных вопросов. Штевнев, упрекнув гостя в том, что он «очень скромно рассказывает об английской армии», попросил сообщить «больше о ее успехах». Может быть, почувствовав иронию, Грир прямо не ответил на вопрос. Он лишь твердо заявил: «Я убежден, что в войне с Германией [мы] будем оставаться одни, но мы выиграем. Может быть, через пять лет, но победим». А затем он перевел разговор на общие военно-политические и дипломатические вопросы: «Существует много непонятных для меня вещей». Генерал Штевнев насторожился: «Объяснитесь, пожалуйста». Грир пояснил: «Ваши газеты пишут против Англии». Советские офицеры пытались возражать, но британский военный атташе настаивал: «80% пишется против Англии». Особенно ему не нравились «обзоры полковника Попова»⁵⁷. «Всегда против нас, — утверждал Грир. — Я их не могу читать». «Раньше, — продолжал он, — отношение к Англии было лучше, а почему [оно изменилось] — мне непонятно».

Слова Грира явно задели его собеседников. Полковник Драгун, имея в виду позицию Великобритании во время Советско-финской войны, возразил: «В этом вы [сами] виноваты... А мероприятия в Средней Азии, против Баку и еще кое-что?». Грир не нашел, что ответить по существу дела: «Это немецкая информация. Нельзя верить всем». Однако ответственность Великобритании за ухудшение советско-британских отношений он признать отказался, сославшись на прогерманский крен в советской внешней политике: «Я помню, что в сентябре 1939 г. был заключен некий договор». По вопросу о значении советско-германских договоров между собеседниками даже возник спор. Советские офицеры старались представить эти договоры как вынужденную со стороны СССР меру, обусловленную срывом переговоров с правительствами Франции и Великобритании, которые незадолго до того прислали в Москву военные миссии, не имевшие «никаких полномочий». «Не знаю, — раздраженно отвечал им Грир, — почему они не договорились. А когда г-н Риббентроп приехал, договор подписали в два счета».

О чем бы ни шла речь, собеседники снова и снова возвращались к обсуждению отношений своих стран с Германией. Когда обсуждали положение на Дальнем Востоке, Грир стал оправдывать недостаточную военную помощь Великобритании Китаю, боровшемуся с японской агрессией, тем, что его страна сама находилась в состоянии войны: «Мы воюем, и у нас все пушки, танки и самолеты должны быть в Англии». Но едва советские офицеры высказались в том же духе: «У нас тоже есть враги, и мы тоже должны быть наготове», — как британский военный дипломат снова подверг критике советскую внешнюю политику. «Кто, — вопрошал он, — будет против вас воевать? Англия? Нет. Болгария? Румыния?». — «Значит, — осторожно поинтересовались его собеседники, — для СССР угрозы нет?». В ответ Грир довольно прозрачно намекнул, откуда, по его мнению, исходила главная угроза безопасности их стран. «Наш враг — Германия, — заявил он. — Вы меня понимаете?».

Собеседники Грира призвали его к «откровенности». По всей видимости, они не питали доверия к Великобритании и опасались, что, несмотря на воинственную риторику своего гостя, она, в конечном счете, пойдет на компромисс с Германией. Полковник Драгун сказал: «Очень небольшой для истории промежуток времени отделяет нас от событий, когда весьма ответственные представители Англии и Франции были в Германии. Мы помним и визит господина Чемберлена в Мюнхен, после чего последовали некоторые события». Британский военный атташе не вступил в дискуссию на эту тему, но, в свою очередь, также не стал скрывать своего недоверия к политике Советского Союза. Имея в виду тесные контакты руководителей СССР и Германии, он не без иронии заметил: «Я видел на днях в „Правде“ хорошую картину. Вашего министра иностранных дел господина Молотова в кругу лучших друзей». Полковник Драгун пояснил: «У нас с Германией договор о дружбе. [Но] мы сильны и всегда можем отстоять свой нейтралитет и свою независимость». Британский военный атташе усомнился: «У вас с Германией больше чем дружба». Советские офицеры стали ему возражать, в результате не обошлось без взаимных колкостей.

Впрочем, в завершение разговора Грир сам попросил у хозяев разрешения «быть откровенным в кругу военных». Он прямо заявил им: «В возникновении войны виноват СССР. Он развязал Гитлеру руки на востоке, и тот завоевал весь запад — Бельгию, Голландию, Францию». При этом он добавил: «Придет и ваша очередь воевать. Если Англии будет капут, тогда и вам будет плохо».

Примечательно, что возражения советских офицеров вызвал только тезис о виновности Советского Союза в развязывании войны. «А кто отдал Гитлеру Австрию, Чехословакию, Рейнскую область? — вопрошали они... — А Польшу, Норвегию, Францию не защищали?». Но они, по всей видимости, с удовлетворением выслушали разъяснение Грира: «Мы тогда не

были готовы к войне. Нас к этому положению привела старая политика, политика Чемберлена... Старых политиков надо поставить в ряд и расстрелять. Сейчас у нас Черчилль, он ведет дело по-другому. Наш новый посол сделал очень много, чтобы договориться с вами, но ничего не мог добиться».

Британский военный атташе ясно высказался об угрозе нападения на СССР со стороны Германии: «Я дипломат, я не имею права этого говорить, но в Германии говорят, что они скоро покончат со Сталиным. Вы не видите или не хотите видеть, что против вашего правого фланга в Финляндии — немцы, и против левого фланга, в Румынии, — также немцы, и немало их там. И только вы ничего не видите».

Вслушав Грира, полковник Драгун ограничился замечанием: «Мы сильны... мы никого не боимся. Да нам и не из-за чего воевать с Германией». При этом он поинтересовался целями Великобритании в текущей войне. Британский военный атташе ответил кратко и образно: «Мы воюем против Гитлера. Англии и Германии не хватает вдвоем места на земле».

Резюмируя информацию, которую удалось получить от полковника Грира, начальник Разведывательного управления Голиков писал в своем отчете: «Все его высказывания были направлены к натравливанию нас на Германию. Грир говорил, что если немцам удастся победить Англию, или, как он выразился, если Англии будет „капут“, то очередь будет за нами, Гитлер Украину не оставит в покое, к захвату ее он готовится»⁵⁸.

Разумеется, в ходе бесед с иностранными военными дипломатами советская разведслужба не узнала тайн ни Третьего рейха, ни его противников. Из этого отнюдь не следует, что операция, осуществленная ею с размахом, была напрасной. Советские офицеры не только получили возможность в личном, непринужденном общении с высокопоставленными представителями иностранных армий составить представление об умонастроениях, воцарившихся в них после военных побед Германии на Западе. Главное, таким неформальным способом представители иностранных армий довели до их сведения информацию, позволяющую судить о том, какие расчеты и намерения связывали с Советским Союзом воюющие стороны в условиях нового соотношения сил в Европе. Высказывания военных дипломатов прямо или косвенно свидетельствовали о том, что Советский Союз воспринимался единственной силой, способной остановить агрессию Германии на континенте. Именно это, по всей видимости, побуждало представителей Германии и союзных ей стран откровенно льстить своим собеседникам, а представителей государств, которым угрожала агрессия, — пытаться внушить им недоверие к политике Германии.

Итоги информационно-разведывательной и аналитической работы разведывательной службы и всего командования Красной Армии были подведены на Совещании ее высшего руководящего состава

в самом конце 1940 г. 25 декабря с докладом «Характер современной наступательной операции» выступил генерал армии Г. К. Жуков, в то время командующий войсками Киевского особого военного округа. Прежде всего, он дал политическую оценку поражению французских и британских войск на Западе. «Не смотря на хорошую экономическую базу, — заявил генерал, — вследствие внутренней политической слабости страны, консерватизма военной мысли главного командования и буржуазного правительства, надежды на то, что удастся повернуть Гитлера против Советского Союза, такие армии, как французская и английская, оказались неподготовленными к ведению современной войны, неподготовленными не только для активных наступательных операций, но оказались даже неподготовленными успешно вести оборонительную войну»⁵⁹.

Далее на основе «опыта последних проведенных войн» генерал Жуков попытался в своем докладе ответить на вопрос, «что особо поучительного» содержится в этом опыте для Красной Армии. Формально речь шла об опыте всех крупных конфликтов последнего времени, включая гражданскую войну в Испании, советскую операцию на Халхин-Голе, Советско-финскую войну и т. д., но наступательным действиям немецких войск весной и летом 1940 г. в его докладе уделялось основное внимание. Жуков отметил «смелое и решительное применение танковых дивизий и мехкорпусов», «решительные удары механизированных корпусов во встречном сражении и стремление их смело и самостоятельно прорываться в тыл» противника, «массовое применение парашютных, десантных частей и воздушных дивизий для захвата важнейших объектов в ближнем и глубоком тылу», «тесное взаимодействие всех родов войск при прорыве укрепленных районов», «высокие темпы проведения наступательных операций». Жуков подчеркивал, что важным слагаемым немецких побед была успешная деятельность их разведслужб: «Наступательной операции, как правило, предшествовала заблаговременная выброска мощной шпионской агентуры и диверсионных групп. Эта агентура, как правило, подсаживалась ближе к аэродромам, УРАм, важнейшим складам, железнодорожным мостам и другим важнейшим объектам. Пользуясь данными этой агентуры, немцы действовали очень часто наверняка». По мнению Жукова, особенно заслуживало внимания «умение немцев организовать непрерывность операций», которое обеспечивалось «предварительной тщательной подготовкой... и наличием плана последующей операции, мощным автомобильным транспортом и широко развитой сетью железных дорог», а также «наличием глубоко эшелонированных резервов»⁶⁰.

Некоторые из участников Совещания попытались оспорить оценки, данные Жуковым значению опыта военных действий на Западе. Когда докладчик объяснял причины высоких темпов немецкого

наступления во Франции, достигавшие в среднем 10–15 км в день, не кто иной, как сам нарком обороны Тимошенко с иронией бросил реплику: «Когда плохо дерутся!» Жукову пришлось пояснить, доказывая необоснованность иронии при обсуждении столь важных проблем: «Немцам в тех опытах, которые мы с вами рассматриваем, конечно, не пришлось испытывать силы настоящего современного противника, который готов пожертвовать собой полностью для защиты тех интересов, которые призвана защищать армия, — они действовали в облегченных условиях. Но тем не менее, если мы посмотрим линию Вейгана, которая в течение 14 дней укреплялась и имела тактическую глубину в 20 км, [то] она была прервана [лишь] на третий день...»⁶¹.

С критикой доклада Жукова на Совещании выступил командир 1-го механизированного корпуса Ленинградского военного округа генерал-лейтенант П. Л. Романенко. Он заявил, что воззрения докладчика о характере и движущих силах современных военных операций «отражают насыщенность техническими средствами и военную мысль периода 1932–1934 гг.». Романенко признал, что опыт войны на Западе проанализирован Жуковым «верно», но тем не менее заключил, что «выводы из этого опыта сделаны недостаточные»⁶².

Примечательно, что стойкого защитника Жуков нашел в лице начальника Разведывательного управления Ф. И. Голиков выразил «большое удовлетворение докладом генерала армии Жукова, как охватом вопроса... так и учетом последнего боевого опыта собственной армии и армии немецкой». Критику, которой подверг выводы Жукова в своем выступлении Романенко, начальник Разведупра назвал «абсурдной». И в подтверждение основных положений доклада он огласил «фактическую справку», содержащую «характеристику сил, сосредоточенных главным немецким командованием против франко-англо-бельгийско-голландского блока к 10 мая 1940 г.». Согласно этой справке, средняя плотность немецких войск на всей линии фронта составляла 8–9 км на одну дивизию. А на ударных направлениях она достигала 4,5 и даже 2,5 км на одну пехотную дивизию⁶³.

Голиков привлек внимание участников Совещания к проблеме, которая волновала его как руководителя военной разведки, — плохой организации в войсках «изучения опыта иностранных армий». «Я спрашивал, — говорил Голиков, — некоторых командующих войсками округов и некоторых крупных танковых начальников, читают ли они то большое количество литературы, которая, правда, еще недостаточно исчерпывает вопрос, но которая в массовом порядке издается Разведывательным управлением в форме информационных сборников... Оказалось, они не знают об их существовании. Между тем в этих изданиях имеется то, что требуется для изучения опыта иностранных армий»⁶⁴.

Выводы доклада Жукова были одобрены также начальником штаба Дальневосточного фронта генерал-майором М. А. Кузнецовым, который подверг анализу ход военных операций на Западе летом 1940 г. Важную причину победы немцев он усмотрел в том, что им удалось разгромить противника «по частям». По его словам, «превосходство сил на стороне немцев было небольшое, но преимущество состояло в том, что голландские, французские, бельгийские и английские части не были подготовлены для действий по одному общему оперативному плану». В итоге, «голландцы быстро капитулировали, бельгийцы отошли без упорных боев, а та часть англо-французов, которую успели перебросить против немцев, попала под удар танкового кулака немцев и была прижата к морю и окружена в Дюнкерке». Кузнецов попытался ответить и на вопрос о том, «почему стала возможна такая молниеносная операция в Северной Франции?». По его мнению, главным образом потому, что «появился новый род войск — это танковые мотомехсоединения, это танки плюс моторизованная пехота, это танки плюс артиллерия, это танки плюс мощная авиация». «Все это, — утверждал Кузнецов, — является теми средствами, которые позволяют проводить молниеносную войну, быстротечные, решающие сражения и операции». «Вот то новое, — сказал он в заключение, — чего не было у французов и англичан, этого преимущества мотомехсоединений, способных самостоятельно прорывать фронт»⁶⁵.

Подводя итог нашему исследованию, мы можем заключить, что поражение Франции летом 1940 г. было предметом глубокой озабоченности советских военных кругов, пытавшихся понять его причины и извлечь из него полезные уроки. Эти вопросы широко обсуждались в войсках на всех

уровнях, а высшее военное командование подвергло их тщательному анализу, о чем свидетельствуют материалы декабрьского Совещания. Стремление политического руководства страной улучшить, в свете этого анализа, подготовку войск проявилось в новых кадровых назначениях, последовавших незамедлительно: уже в январе 1941 г. Жуков стал начальником Генерального штаба и заместителем наркома обороны.

Однако осуществление этих и других мер (рассмотрение которых не входило в задачи настоящей статьи), направленных на укрепление обороноспособности государства перед лицом возросшей угрозы со стороны Германии, явным образом не отразилось на внешнеполитическом курсе СССР. В первой половине 1941 г. Советский Союз продолжал активно сотрудничать с Германией, особенно в экономической области, и выполнять заключенные с ней ранее договоры. В оправдание этого курса современники и историки приводили немало доводов: нежелание советского руководства провоцировать Германию, отсутствие у него точных и достоверных сведений о сроках нападения Германии на СССР, представление о невозможности для Германии воевать одновременно против Великобритании и СССР, опасение вероятного сговора Великобритании и Германии за спиной и за счет интересов Советского Союза и т.д. Но события показали, что в своей основе этот курс был ошибочен. В июне 1941 г. Германия напала на СССР, фактически опровергнув эти доводы. Не исключено поэтому, что своевременная корректировка внешнеполитического курса СССР в соответствии с новой расстановкой сил, сложившейся после поражения Франции, могла бы лучше обеспечить безопасность страны.

¹ Попытку всесторонне оценить значение этого события с позиций современной науки предприняли авторы коллективного труда: *The French Defeat of 1940: Reassessment* / ed. by Joel Blatt. Oxford, 1997.

² См.: Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М., 1992; Сиполс В. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной. 1939–1941. — М., 1997; Наринский М. М., Филитов А. М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. — М., 1999; Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (документы, факты, суждения). — М., 2000; и др.

³ Вопрос о безопасности Ленинграда со стороны границы с Финляндией.

⁴ *Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война: документы и материалы.* — М., 2002. С. 163.

⁵ *Документы внешней политики: 1940 — 22 июня 1941.* Т. 23. Кн. 1. 1 января — 31 октября 1940 г. — М., 1995. С. 342, 344.

⁶ Там же. С. 395.

⁷ *Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война: документы и материалы.* — М., 2002. С. 120.

⁸ См.: Чельшев И. А. СССР — Франция: трудные годы. — М., 1999; Суто Ж.-А. Советские дипломаты и вишистская Франция (1940–1941) // *Война и политика, 1939–1941.* — М., 1999; его же. Виши, СССР и Германия. 1940–1941 гг. По французским архивам // *Новая и новейшая история.* 2000. № 6 и др.

⁹ *Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война: исторический очерк.* М., 2002. С. 167–168. Тем не менее сообщение ТАСС 23 июня 1940 г опровергало «слухи» о том, что вступление советских войск и их концентрация в прибалтийских странах «вызвано недовольством Советского Союза успехами Германии на Западе» и «имеет целью произвести давление на Германию». См.: *Документы внешней политики.* Т. 23. Кн. 1. С. 363.

¹⁰ *Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война: документы и материалы.* — М., 2002. С. 184–185.

¹¹ По сей день в исторической науке остается дискуссионным вопрос о том, не была ли ошибочной политика сотрудничества с Германией, которую Советский Союз проводил в последние годы перед Великой Отечественной войной, и не готовилось ли советское руководство под прикрытием этой политики к наступательной «превентивной» войне с Германией. См. напр.: Горьков Ю. А. Готовил ли Сталин превентивный удар против Гитлера в 1941 году // *Новая и новейшая история.*

1993. № 3; Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия: сб. материалов. М., 1995; Городецкий Г. Миф «ледокола»: накануне войны. — М., 1995; Другая война: 1939–1945 / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. — М., 1996; Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Пер. с нем. — М., 1996; Не-вежин В. А. Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. — М., 1997; Война и политика 1939–1941. — М., 1999; Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. — М., 1999; Вишнев О. В. Накануне 22 июня 1941 года: док. очерки. — М., 2001 и др.

¹² См. также публикацию материалов этого совещания: Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. — М., 1993. Т. 12 (1).

¹³ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 70, л. 18–19.

¹⁴ Разумеется, во всех подобного рода документах приводятся имена военнослужащих и названия частей, в которых они служили. По соображениям целесообразности мы эти подробности большей частью опускаем.

¹⁵ РГВА, ф. 9, оп. 39, д. 90, л. 310.

¹⁶ Там же. Л. 308.

¹⁷ Там же. Л. 186–187.

¹⁸ Там же. Л. 239–240.

¹⁹ РГВА, ф. 9, оп. 39, д. 90, л. 333.

²⁰ РГВА, ф. 9, оп. 39, д. 88, л. 20–21.

²¹ Арман (Тылтынь) Поль Матисович с июля 1926 по сентябрь 1928 г. учился в Московском пехотном училище. С 1936 г. воевал в Испании. 31 декабря 1936 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Арестован по обвинению в шпионаже, дело прекращено 21 июня 1939 г. Слушатель Военной академии им. Фрунзе с сентября 1939 г. Окончив в мае 1941 г. академию, получил назначение в 51-ю танковую дивизию заместителем командира. Погиб 7 августа 1943 г.

²² РГВА, ф. 9, оп. 39, д. 88, л. 276.

²³ РГВА, ф. 9, оп. 39, д. 91, л. 119.

²⁴ См.: Секреты Гитлера на столе у Сталина: разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР, март–июнь 1941 г. — М., 1995; Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ: очерки истории российской военной разведки. — М., 1999.

²⁵ Документы внешней политики. Т. 23. Кн. 1. С. 288.

²⁶ С точки зрения задач нашего исследования материалы посещения воинских частей и учреждений военными атташе Италии, Китая и Японии интереса не представляют и в настоящей статье не рассматриваются.

²⁷ Голиков Филипп Иванович (1900–1980) — участник гражданской войны, в 1933 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, с июля 1940 г. — заместитель начальника Генерального штаба, начальник Главного разведывательного управления, генерал-лейтенант. В первые годы Великой Отечественной войны возглавлял советскую военную миссию в Великобритании и США, Маршал Советского Союза (1961).

²⁸ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 2.

²⁹ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 30, 33.

³⁰ Там же. Л. 13.

³¹ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 30–33.

³² Там же. Л. 39.

³³ Об Э. Кестринге см.: Матвеев О. «За мной по пятам гонится НКВД...» // Независимое военное обозрение. 11.06.1999.

³⁴ Очевидно, генерала Кестринга сопровождал помощник.

³⁵ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 122–123.

³⁶ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 137.

³⁷ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 263, 270. Э. Кестринг действительно родился в России в 1876 г. в семье землевладельца. Еще до Первой мировой войны уехал в Германию, воевал на Восточном фронте, в 1918 г. был сотрудником немецкой миссии на Украине. С 1931 по 1933 гг. возглавлял московское представительство рейхсвера. Получив в 1932 г. звание генерал-майора, Кестринг готовился к отставке, но нацисты оставили его на службе и в 1935 г. отправили военным атташе в Москву, где он оставался до самого начала Великой Отечественной войны.

³⁸ О деятельности военно-дипломатических представителей США в СССР см.: Campbell J.J. The Struggle for Survival: U.S. Perceptions of the Soviet Union's Armed Forces, 1933–1941. University of Virginia, August 1992.

³⁹ Йитон в 1919–1920 гг. служил лейтенантом в экспедиционном корпусе США в Сибири.

⁴⁰ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 79–80.

⁴¹ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 80–81.

⁴² Там же. Л. 86–87.

⁴³ Там же. Л. 116–117.

⁴⁴ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 250–251.

⁴⁵ Там же. Л. 253–256.

⁴⁶ Там же. Л. 242–243.

⁴⁷ Там же. Д. 77, л. 31.

⁴⁸ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 131.

⁴⁹ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 77, л. 32.

⁵⁰ В цитируемом докладе Отдела внешних сношений о визите подполковника Тюркмена в Центральный Дом Красной Армии это обстоятельство характеризуется следующим образом: «Выпив водки, Тюркмен стал разговаривать более оживленно».

⁵¹ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 77, л. 38–39.

⁵² В результате переговоров 19–21 августа 1940 г. Румыния вернула Болгарии Южную Добруджу.

⁵³ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 219–220.

⁵⁴ Там же. Д. 77, л. 33.

⁵⁵ Штевнев Андрей Дмитриевич — командир 14-й танковой дивизии с июня 1940 г., помощник командующего Южным фронтом с 24 июня 1941 г., погиб 29 января 1944 г.

⁵⁶ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 77, л. 103–113.

⁵⁷ Автор «Военного обзора» в «Красной Звезде» полковник В. Попов. См. Васильевой Н. Ю. Глядя из Москвы: западный фронт европейской войны (апрель — июль 1940 г.) // СССР и Франция в годы Второй мировой войны: сборник научных статей / отв. ред. М. М. Наринский. Моск. гос. ин-т. межд. отношений (ун-т) МИД России, Ин-т всеобщей истории РАН. — М.: МГИМО — Университет, 2006. — С. 21–43

⁵⁸ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 77, л. 97–98.

⁵⁹ РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 56, л. 1.

⁶⁰ РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 56, л. 10–11.

⁶¹ Там же. Л. 16–17. Речь идет о попытке генерала М. Вейгана, назначенного в мае 1940 г. главнокомандующим французскими армиями, остановить по линии рек Сомма и Эна наступление немецких войск.

⁶² РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 56, л. 59.

⁶³ РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 56, л. 85–86.

⁶⁴ Там же. Л. 91.

⁶⁵ РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 56, л. 94–95.